

Г.В. Немирович-Данченко

В Крыму при Врангеле

Факты и итоги

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г.В. Немирович-Данченко**
В Крыму при Врангеле: Факты и итоги / Г.В. Немирович-Данченко – М.:
Книга по Требованию, 2014. – 120 с.

ISBN 978-5-517-83556-7

ISBN 978-5-517-83556-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I.

Ген. Врангель — Главнокомандующій русской арміей.

Крымская катастрофа поразила всѣхъ своею неожиданностью. Уже болѣе двухъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ обломки русской національной государственности волею судебъ были прибиты къ негостепріимному Босфору, а между тѣмъ въ противобольшевистскомъ станѣ еще не сложилось определеннаго взгляда на обстоятельства, приведшія русскую армію къ роковому исходу.

При этомъ, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, каждая политическая группа хотѣла бы видѣть въ крушеніи дѣла В. С. Ю. Р. не то, что имѣло мѣсто на самомъ дѣлѣ, а то, что ей для данной обстановки выгодно и на чемъ она могла бы нажить политическій капиталъ.

Лѣвые, видя въ бар. Врангелѣ олицетвореніе русской мечты о «генералѣ на бѣломъ конѣ», а рѣіогі истолковываютъ неудачу русской арміи, какъ неизбѣжное послѣдствіе «реакціонной политики» его Правительства, ставя ему въ вину и проповѣдь правыми элементами монархической идеи, и недемократичность приѣмовъ управленія и даже эксцессы преступныхъ контръ-развѣдчиковъ, въ сущности говоря, неизбѣжные въ обстановкѣ гражданской войны.

Наоборотъ, правые склонны объяснять печальный финалъ обороны Крыма недостаточной ясностью поставленныхъ Ген. Врангелемъ лозунговъ, при которой не исключалась возможность вліянія на политическую обстановку партій, принявшихъ участіе въ русской революціи, неоднородностью состава Правительства Юга Россіи, искавшего половинчатыхъ рѣшеній, и проникновеніемъ на территорію В. С. Ю. Р. такихъ лицъ, одно имя которыхъ вызывало крайнее раздраженіе въ средѣ ски-тальцевъ Земли Русской, нашедшихъ въ «Крымской бутылкѣ» свое послѣднее прибѣжище.

И тѣ, и другіе забываютъ, что незначительная территорія Крымскаго полуострова, его изолированность отъ всего міра, бѣдность крупными политическими центрами и крайняя ограниченность открывавшихся предъ Правительствомъ Юга Россіи возможностей вообще исключали самую мысль о полити-

ческой окраскѣ его дѣятельности. И если Правительству Ген. Деникина, власть котораго распространилась на половину Европейской Россіи, можно было бы поставить въ вину взятый имъ неудачный политическій курсъ, то у бар. Врангеля было слишкомъ мало выбора, чтобы привлекать къ государственной работѣ однихъ несомнѣнныхъ демократовъ и отталкивать монархистовъ или наоборотъ.

Недаромъ Врангель постоянно подчеркивалъ въ бесѣдахъ со своими сотрудниками и съ представителями печати, что въ Крыму — не мѣсто партійной борьбѣ.

«Когда опасный для всѣхъ призракъ большевизма исчезнетъ», говорилъ Главнокомандующій: «тогда народная мудрость найдетъ ту политическую равнодѣйствующую, которая удовлетворитъ всѣ круги населенія. Пока же борьба не кончена, всѣ партіи должны объединиться въ одну, дѣлая виѣспартійную, дѣловую работу».

Итакъ мы не ошибемся, если установимъ, что Врангель избѣгалъ партійныхъ людей. Удалось ли ему въ этомъ отношеніи достигнуть успѣха, будетъ видно изъ послѣдующаго изложенія, но основная мысль Главнокомандующаго русской арміи въ существѣ своемъ была правильна, и вся трагедія Крымской борьбы съ большевиками заключалась въ томъ, что люди, взявшіеся помогать Ген. Врангелю, не сумѣли обходиться безъ своихъ выцвѣтшихъ, лживыхъ и своекорыстныхъ политическихъ программъ.

Не слѣдуетъ забывать, что гражданская война, при всемъ отличіи ея методовъ отъ настоящей войны, ставитъ борющимся сторонамъ тѣ-же самыя требованія въ смыслѣ наличія стратегической базы, спокойнаго, по возможности экономически благоустроеннаго тыла и полного подчиненія не участвующаго въ борьбѣ населенія интересамъ борющейся арміи. Поэтому, какъ ни одиозно подобное умозаключеніе представителямъ патентованной россійской демократіи, всякая попытка посѣять раздоръ въ тылу сражающихся должна разсматриваться, какъ предумышленная измѣна общему дѣлу.

Въ этомъ отношеніи достойно удивленія двойственное отношеніе лицъ, не участвовавшихъ въ антибольшевистской борьбѣ, къ краснымъ и къ бѣлымъ. Въ то время, какъ первымъ было все позволено, потому что они . . . большевики, бѣлымъ предъявлялись какія-то исключительныя требованія по части демократической воспитанности, самодисциплины и рыцарственной лояльности. Красные, напр. разрѣшали продовольственный или одежный вопросъ просто: когда имъ было голодно или холодно, они просто шарили по деревнямъ, отнимая у сельскаго населенія хлѣбъ, обувь и теплую одежду.

Бѣлые — должны были голодать и замерзать отъ холода, но винтовки изъ рукъ не выпускать, съ тоскою поглядывая на

трусливый, безразличный и удирающей тыль. Согласитесь, что при таких условиях борьба была совершенно неравная, и надо иметь много политического лицемерия или не видеть дальше собственного носа, чтобы объяснять неудачи бѣлыхъ недостаточною проникновенностью антибольшевистскихъ вождей идеологіей политическихъ доктринеровъ.

Только упорнымъ недоброжелательствомъ ко всему, что носить на себѣ отпечатокъ русской національной идеи, будь то боевой генералъ, царскій сановникъ, посвятившій лучшую часть жизни созидательной государственной работѣ, или безусый юноша — доброволецъ, оставившій родной домъ, чтобы промѣнять ласку близкихъ на тяжелую походную жизнь, можно объяснить злопыхательство извѣстной части нашего общества по адресу участниковъ эпической борьбы съ большевистской реакціей. Эта часть, претендующая на право говорить отъ лица всего русскаго народа, охотно желала бы видѣть, въ вождяхъ русской арміи какихъ-то большевистскихъ военспецовъ, вытаскивающихъ политическимъ знахарямъ каштаны изъ огня. Но вся бѣда въ томъ, что съ такой унижительной ролью своихъ вождей не согласилась бы прежде всего русская армія, ломавшая со своими генералами ледяные походы и привыкшая вѣрять имъ безотговорочно свою судьбу.

И если арміи вообще не годится вмѣшиваться въ политику, то одно лишь должно ей быть безусловно позволено: умирать подъ начальствомъ тѣхъ, кто вышелъ изъ ея среды, а не сдѣлать свою военную карьеру на процессахъ политическихъ убійцъ или революціонныхъ митингахъ. Думается, что и въ отношеніи беспартійнаго населенія, не принадлежащаго къ составу арміи, это соображеніе сохраняетъ полную силу.

Строго говоря, что можетъ имѣть любой патріотъ противъ временной диктатуры генерала, вся жизнь котораго, съ молодыхъ лѣтъ, была посвящена не на словахъ, а на дѣлѣ служенію русскому государству, русскому народу, русскимъ интересамъ и готовности жертвовать собою во имя достоинства Россіи? Но такъ какъ все, что осталось честнаго, доблестнаго и любящаго родину въ Россіи вѣрило ему своей жизни, вполне естественно, что такой вождь долженъ устранить отъ себя политическихъ спекулянтовъ, которые привыкли, подъ защитой чужихъ спиныхъ, играть чужими головами.

Пора же наконецъ признать, что дѣло Ген. Дѣникина и Адм. Колчака погибло въ гораздо большей степени изъ за военнoстратегическихъ причинъ, какъ напр., отсутствія конницы у Деникина подъ Орломъ, разстройства транспорта, удаленности фронта въ зимній періодъ отъ базы, сыпного тифа и пр., чѣмъ отъ какихъ-нибудь непоправимыхъ политическихъ ошибокъ.

«Post hoc» — не значить «propter hoc», и если публицисты Милюковскаго типа не упускают случая позлорадствовать надъ крушеніями «генеральскихъ авантюръ», то они сознательно замалчиваютъ то обстоятельство, что населеніе относилось совершенно безучастно къ возстановленію старыхъ порядковъ пока Добровольческая армія побѣждала. Зато никакія уступки демократическимъ программамъ не могли влить новыхъ силъ изнемогавшимъ въ борьбѣ бойцамъ, а трагическій конецъ Адмирала Колчака лишній разъ свидѣтельствуесть о томъ, какъ опасно вѣрять, при перемѣнѣ военнаго счастья, пѣнію революціонныхъ сиренъ.

Въ этомъ отношеніи Ген. Врангель, несмотря на огромную тяжесть выпавшей на его долю задачи, былъ въ гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ его предшественники. Русская армія, правда, была въ осажденной крѣпости, но, при длиннѣ фронта въ періодъ осады въ три десятка верстъ, глазъ предусмотрительнаго военачальника легко справлялся съ дѣломъ наблюденія за неглубокимъ тыломъ. Русская армія чувствовала себя въ Крыму болѣе дома, чѣмъ на Дону или Кубани. Она очистилась до извѣстной степени, оставивъ на Кубанскихъ степяхъ разлагавшіе ее элементы, шедшіе съ нею лишь въ періоды ея успѣховъ.

Въ тылу, по крайней мѣрѣ до середины лѣта, не было всевозможныхъ «круговъ» и «радъ» — наслѣдія Керенщины, гдѣ заворачивали авантюристы медвѣжьихъ угловъ, тянувшіеся къ портфелямъ губернскихъ министровъ.

Въ Крымъ отошло ядро арміи, ея идейная сущность — все горячая, смѣлая молодежь, для которой вооруженная борьба съ палачами и растлителями Россіи была долгомъ совѣсти, стоящимъ выше какихъ-либо партійныхъ расчетовъ или оправданій.

Какъ видно изъ приводимаго донесенія полковника Ноги Штабу Главнокомандующаго, обстановка на фронтѣ къ 12 марта 1920 г. складывалась слѣдующимъ образомъ:

«Послѣ Юшунскихъ боевъ противникъ отступилъ отъ Перекопскаго перешейка на сѣверъ, и мы почти потеряли съ нимъ связь. Объясненіе этого: На Украинѣ, въ тылу красныхъ, поднялись возстанія крестьянъ во главѣ съ Махно. Есть много и другихъ партизанскихъ отрядовъ, которые не даютъ покоя краснымъ. Мнѣ это ясно видно изъ красныхъ газетъ, писемъ плѣнныхъ и т. п. И Ген. Шиллингъ (Главноначальствующій въ Крыму), и Ген. Слащевъ смотрятъ на эти явленія весьма доброжелательно, но, не зная, какъ на эти явленія смотреть Ставка, конечно, мѣръ къ контакту съ возставшими Махно и другими — естественно не принимаютъ. Я считаю этотъ вопросъ первостепенной важности, ибо вижу въ этомъ спасеніе общаго

стратегическаго положенія. Его надо кардинально выяснить, и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. По моему, сейчасъ настолько серьезный моментъ, что нашимъ девизомъ должно быть: «Кто противъ красныхъ — всѣ съ нами.»

— «Фронтъ исключительно держится личностью Ген. Слащева; человекъ «особенный», энергичный, безусловно храбрый и не останавливается ни предъ чѣмъ, для достиженія успѣха на фронтѣ и противоудѣйствія развалу въ тылу. Онъ только одинъ удержалъ Крымъ до сихъ поръ и онъ только одинъ, облеченный диктаторскою властью, можетъ его удержать. Назначеніе Ген. Шиллинга и Покровскаго были ошибками и внесли только запутанность какъ въ тылу, такъ и на фронтѣ.

«Я особенно боюсь, что послѣдуютъ какія-то новыя назначенія, что вызоветъ безусловное ухудшеніе положенія, какъ на фронтѣ, такъ и въ тылу. Если сможете повліять, то рекомендуйте, до пріѣзда въ Крымъ и до личныхъ переговоровъ со Слащевымъ, ничего не предпринимать, иначе можно ожидать развала и общей гибели. Надо помнить, что фронтъ держится только Слащевымъ, войска его любятъ и ему-лишь одному вѣрять, а вся мерзость тыла лишь одного его боится.

«Отношеніе къ вашей Добровольческой арміи и къ Главному (Деникину) почти во всѣхъ слояхъ — отрицательное: высшее офицерство боится, что, съ прибытіемъ частей Ген. Кутепова, естественно произойдетъ двоевластіе.

«Опасаемся заразы, которую можетъ занести усталое и недовольное офицерство. Боимся, что «орловщина» быстро пополнить въ тылу свои ряды недовольными прибывшими. Опасаемся, что среди прибывшихъ окажутся лица, которыя пожелаютъ здѣсь дѣлать старую политику, что можетъ погубить зачатки объединенія всѣхъ отрядовъ партизанъ Украины, дѣйствующихъ нынѣ противъ большевиковъ.» —

Однако, положеніе въ Крыму было тѣмъ благопріятно, что въ немъ никогда не было крупныхъ политическихъ центровъ, если не считать за таковые глубоко провинціальныя Симферополь и Севастополь, который, съ уходомъ оттуда большевистской матросни, потерялъ атмосферу очага военныхъ бунтовъ. Уфадные же города, вродѣ Евпаторіи, Ялты, Феодосіи и даже Керчи, благодаря своему мѣстоположенію, издавна пріобрѣли характеръ мирныхъ курортовъ, далекихъ отъ политическихъ претензій.

Теперь они были наполнены волной нахлынувшихъ со всего Юга Россіи бѣженцевъ, съ ребятишками и домашнимъ скарбомъ, которые страшнымъ опытомъ своихъ скитаній дошли до сознанія полной неприемлемости «рабоче-крестьянской» власти. Что-же касается кореннаго населенія — татаръ, кѣмцевъ-колонистовъ и караимовъ, то хотя они и роптали на стѣсненія отъ пришельцевъ, но все же сознавали, что вѣдь не ради

удовольствіа прокатиться зимой во время сыпняка въ телячь-емъ вагонѣ сорвалась вся эта масса богатей и бѣдняковъ, стариковъ и дѣтей, буржуевъ и рабочихъ съ насиженныхъ мѣстъ и заполнила въ Крыму всѣ жилые углы вплоть до сараевъ и собачьихъ конуръ. Видно, съ Сѣвера шла дѣйствительно ка-кая-то злая сила, которая способна довести людей до готов-ности броситься въ бурное зимнее море.

Еще въ первый свой приходъ весною 1919 года въ Крымъ большевики успѣли настолько осточертѣть татарамъ и колони-стамъ, что они не строили себѣ никакихъ иллюзій относительно совѣтскаго строя.

Крѣпостного права сельское населеніе Тавриды никогда не знало; не знало и раздутой эсеровщиной ненависти къ «панству», на которой культивировалась махновствующая гай-даматчина на Украинѣ, ни вольнаго казачьяго духа Дона, Ку-бани и Терека, стоившаго Добровольческой Арміи многихъ на-прасныхъ усилій и моря крови. Это населеніе было трудолю-биво, хозяйственно и лойяльно, и если въ Крыму по горнымъ дорогамъ шалили «зеленые» подѣ предводительствомъ Петляка или Мокроусова, то это были пришлые элементы, пополняв-шіеся дезертирами и бандитами - бѣженцами (были и такіе!) изъ Совѣтской Россіи.

Много хлопотъ въ зимній періодъ Крымскаго сидѣнія до-ставили власти Севастопольскіе рабочіе, но и они, доведя своими требованіями дороговизну до абсурда, присмирѣли, когда власть заговорила съ ними энергичнымъ языкомъ. Каждая забастовка влекла за собою закрытіе военно-морскаго завода, а такъ какъ рабочіе не столько работали въ порту, сколько тащили изъ него все, что попадалось подѣ руку, и затѣмъ продавали спе-кулянтамъ для вывоза на дубкахъ въ Константинополь, то ли-хорадка забастовокъ, подогрѣваемая большевиками, къ веснѣ спала, а лѣтомъ и совсѣмъ прекратилась.

Къ характеристикѣ же господствовавшаго въ рабочей средѣ политическаго міросозерцанія, приведу слѣдующую фразу, слышанную мною лично отъ одного рабочаго-металлиста, боль-шевика по его собственному признанію.

— Эхъ, кабы мѣсяцъ еще такъ пожить, какъ при Николаѣ жили; а потомъ и помереть можно! —

И несмотря на все это, настроеніе Крымскаго тупика до мая мѣсяца было крайне подавленнымъ. Фронтъ держался, благодаря мужеству горсточки юнкеровъ и личной отвагѣ та-кого азартнаго игрока, какимъ былъ Ген. Слащевъ, и то только потому, что главное вниманіе красныхъ было сосредоточено на Кубани, гдѣ находилось ядро Добровольческой Арміи. Крымъ былъ очагомъ свирѣпаго сыпного тифа, уносившаго ежедневно сотни жертвъ. Продовольственный кризисъ съ каждой недѣ-лей дѣлался все острѣе, и въ городахъ недоѣданіе стало обыч-

нымъ явленіемъ. Панику довершали бѣженцы, которымъ по-счастливилось выбраться изъ Крыма на иностранныхъ пароходахъ, и многочисленныя семьи тыловыхъ военныхъ и морскихъ офицеровъ, сидѣвшія на уложенныхъ чемоданахъ (а весьма многія — избравшія мѣстомъ постоянного жительства военные корабли!) и готовыя ежеминутно броситься къ парходнымъ трапамъ.

И вотъ въ такое время всеобщаго развала и отчаянія, когда никто никому не вѣрилъ, а впечатлительнымъ людямъ казалось, что само небо рухнетъ на ихъ головы, когда никто уже не помышлялъ о далекихъ политическихъ перспективахъ и не печаловался о «завоеваніяхъ революціи», ибо всѣ отлично сознавали, чѣмъ кончится для затворившихся въ Крыму его «завоеваніе революціей», когда генералы ссорились другъ съ другомъ, а офицеры поднимали противъ нихъ возстанія (Орловъ), когда англійскія военныя власти, по приказу изъ Лондона, готовы были начать переговоры съ большевиками по вопросу о сдачѣ арміи и бѣженцевъ на милость побѣдителей, — Крымъ былъ потрясенъ радостной вѣстью, что Генералъ Деникинъ передалъ главное командованіе Генералу барону Врангелю.

Имя новаго Главнокомандующаго было чрезвычайно популярно въ арміи и въ населеніи. Вспоминали его удачныя боевыя дѣйствія на Царицынскомъ направленіи, взятіе Царицына, упорно оборонявшагося красными, лѣтомъ 1919 года, и послѣдующая его героическая защита. Крутыя мѣры противъ кубанскихъ самостійниковъ упрочили за Врангелемъ репутацію рѣшительнаго военачальника. Неудача попытки спасти Добровольческую Армію отъ разложенія послѣ паденія Харькова не ставилась ему въ вину, такъ какъ всѣ понимали, что Ген. Май-Маевскій былъ отстраненъ отъ командованія слишкомъ поздно. Особенно же поднялся авторитетъ Врангеля, когда стало общеизвѣстнымъ содержаніе его письма къ Ген. Деникину, наполненнаго тяжкими упреками и обвиненіями по адресу арміи и высшаго командованія.

Словомъ все складывалось такъ, что обѣщало новому Главнокомандующему авторитетъ въ рядахъ арміи и довѣріе населенія. Нѣкоторые почему то считали его, кромѣ того, и убѣжденнымъ гермаофиломъ, а потому для тыловыхъ политиковъ открывалась возможность «сочитать» въ будущемъ съ ненавистной Антантой. Изъ дальнѣйшаго изложенія можно будетъ, однако, заключить, насколько подобная точка зрѣнія была ошибочной.

Первое появленіе Главнокомандующаго 23 марта 1920 г.¹⁾ на Нахимовской площади, и его горячая, властная, полная убѣжденія рѣчь, обращенная къ войскамъ и народу, произвела на всѣхъ сильное впечатлѣніе.

¹⁾ Всѣ даты по старому стилю.

«Объщая съ честью вывести армію изъ тяжелаго положенія», сказалъ Ген. Врангель, и эти слова влили новую бодрость въ сердца извѣрившихся и малодушныхъ.

При взглядѣ на его высокую, стройную фигуру, затянутую въ сѣрую чѣреску, когда новый Главнокомандующій проходилъ легкимъ, словно крадущимся шагомъ мимо рядовъ войскъ, которыми командовалъ пріѣхавшій съ фронта Слащевъ, невольно думалось, что именно такимъ долженъ быть вождь борцовъ за русскую національную идею, именно такими словами онъ заставитъ повиноваться себѣ, именно въ немъ найдеть армія все то, что отсутствовало въ невзрачной фигурѣ пережившаго свою популярность Генерала Деникина.

Мы, русскіе, вообще большіе мечтатели и, попавъ въ тяжелое положеніе, любимъ тѣшить себя мыслью о чудѣ, которое придетъ къ намъ на помощь въ послѣднюю минуту. И такого же чуда ждали отъ Генерала Врангеля весною 1920 года въ Крыму.

И новый Главнокомандующій не обманулъ возлагавшихся на него надеждъ. То, что удалось ему сдѣлать за полтора мѣсяца энергичной работы съ арміей, какъ приготовилъ Врангель своихъ «орловъ» для могучаго прыжка изъ Крыма и какъ сумѣлъ сохранить всё эти приготовленія въ тайнѣ отъ зоркаго врага, — было дѣйствительно чудомъ.

ГЛАВА II.

Первыя мѣропріятія — Выходъ изъ Крыма.

Въ настоящее время уже не составляетъ секрета, что Ген. Врангель былъ выдвинутъ на свой постъ правыми группами Крымской общественности и тѣми немногочисленными политическими дѣятелями, которые еще вѣрили въ жизненность бѣлаго движенія и не рѣшались покинуть послѣдній клочекъ родной земли.

Какъ крысы съ тонущаго корабля, бѣжали первыми отъ Деникина въ Парижъ представители кадетской партіи, входившіе въ составъ Особаго Совѣщанія. За ними послѣдовали правые эсеры, квалифицированные журналисты, патентованные политики, профессора и прочіе неизбѣжные атрибуты большихъ южно-русскихъ политическихъ центровъ.

Впервые Ген. Врангель появился въ Крыму почти инкогнито въ февралѣ мѣсяцѣ, когда послѣ его размовки съ Ген. Деникинымъ, ему пришлось сдать командованіе Добровольческой Арміей Ген. Кутепову. Радужно принятый въ Севастополѣ военно-морскими кругами, державшимися въ оппозици

къ Деникину, будущій Главнокомандующій поселился на пароходъ «В. К. Александръ Михайловичъ», и повременамъ его можно было видѣть прогуливающимся въ качествѣ частнаго лица по Нахимовскому проспекту.

Говорили, что онъ переживалъ тяжелыя матеріальныя затрудненія, а потому былъ лишень возможности выѣхать за границу. Однажды бар. Врангель былъ приглашенъ высшими представителями морского командованія въ Морское Собраніе, причемъ это посѣщеніе носило характеръ чествованія. Что происходило на этомъ собраніи, осталось невыясненнымъ, такъ какъ сопровождавшіе Врангеля военные допущены въ залу не были.

Повидимому, этимъ собраніемъ морскіе круги имѣли въ виду отмѣтить свое довѣріе къ Генералу Врангелю, находившемуся въ опалѣ, и начать работу въ пользу образованія въ Крыму новой власти, когда для этого, въ связи съ приближеніемъ въ Новороссійскѣ роковой развязки, наступилъ бы удобный моментъ.

Главную же моральную поддержку Ген. Врангель нашелъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, который, съ тѣхъ поръ, какъ Ген. Деникинъ отказался отъ предложенной ему въ январѣ 1920 г. военной помощи сербовъ, всталъ по отношенію къ послѣднему въ рѣзкую оппозицію. Поэтому, если бы Ген. Деникинъ промедлилъ бы съ передачею власти бар. Врангелю, приходилось считатьъ съ возможностью государственнаго переворота.

Но все произошло совершенно легальнымъ путемъ. Ген. Врангель уѣхалъ въ концѣ февраля въ Константинополь, какъ ворили, направляясь въ Зап. Европу. Въ Константинополѣ, повидимому, онъ отказался отъ своего намѣренія, такъ какъ имѣлъ продолжительныя совѣщанія съ А. В. Кривошеиннымъ и представителями союзнаго командованія. А когда 21 марта въ Севастополѣ послѣдовала неудачная попытка намѣтить новаго Главнокомандующаго путемъ избранія Военнымъ Собраніемъ подъ предсѣдательствомъ Ген. Драгомирова, на слѣдующій день на англійскомъ сверхъ-дредноутѣ «Императоръ Индіи» въ Севастополь прибылъ бар. Врангель и къ вечеру былъ назначенъ Ген. Деникинымъ по телеграфу изъ Феодосіи Главнокомандующимъ русской арміей.

25 марта съ амвона Владимірскаго собора въ Севастополѣ былъ оглашенъ указъ Правительствующаго Сената, въ коемъ все населеніе страны призывалось дружно сплотиться подъ властью новаго Главнокомандующаго, коему отнынѣ принадлежала вся полнота власти военной и гражданской.

Въ благодарность Крымскому корпусу за удержаніе Крыма, новыи Главнокомандующій произвелъ Ген. Я. Слащева въ Генераль-Лейтенанты, а его начальника штаба Полковника Дубяго — въ Генераль-Маіоры.

Вознаграждены были и нѣкоторые высшіе морскіе военачальники, между прочимъ Адмиралъ Саблинъ (организаторъ потопленія русскаго флота въ 1918 г. подъ Новороссійскомъ), Герасимовъ и др. Зато было оставлены въ тѣни нѣсколько молодыхъ морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ, которые, выдвигая Ген. Врангеля въ Главнокомандующіе, хотѣли въ немъ видѣть военачальника твердыхъ монархическихъ убѣжденій. Дальнѣйшій ходъ событій показалъ, насколько подобная точка зрѣнія была мало обоснованной.

Первой заботой новаго Главнокомандующаго было поднятіе дисциплины въ частяхъ арміи, деморализованныхъ зимней катастрофой и перевезенныхъ въ Крымъ изъ рокового Новороссійска. Рѣшительными и энергичными мѣрами Ген. Врангель положилъ конецъ грабёжамъ и насилію надъ мирнымъ населеніемъ.

По мѣткому выраженію одного военнаго журналиста, «тылъ былъ развинченъ и шатался между Константинополемъ и чувствомъ долга».

Къ тому же духъ фрондерства пустилъ такіе глубокіе корни въ средѣ элементовъ, составлявшимъ мозгъ арміи, что чрезъ недѣлю послѣ принятія главнаго командованія, Ген. Врангелю пришлось проявить всю силу своего авторитета, дабы положить предѣлъ ихъ разлагающей работѣ.

Я имѣю въ виду враждебную позицію, сразу же занятую въ отношеніи Главнокомандующаго казачьими генералами Сидоринымъ, Кельчевскимъ и Кисловымъ и газетой «Донской Вѣстникъ», редактировавшейся графомъ дю-Шайла, который въ Крыму пробовалъ посѣять раздоръ между казачьими и неказачьими частями арміи.

Для характеристики этого «казачьяго» заговора, я позволю себѣ напомнить біографію его центральной фигуры — именно графа дю-Шайла, представляющаго собою по колоритности типичнѣйшаго авантюриста гражданской войны.

По вѣроисповѣданію католикъ, графъ дю-Шайла, въ бытность свою до революціи въ Петроградѣ, сумѣлъ войти въ довѣріе нѣкоторыхъ высшихъ представителей нашей церковной іерархіи своимъ желаніемъ перейти въ православіе. Ему оказывалъ особое покровительство В. К. Саблеръ, и имъ забавлялись, какъ заморскимъ титулованнымъ гостемъ, слышшимъ въ нашихъ лаврахъ и подворьяхъ за масоновѣда и знатока сіонскихъ тайнъ.

Но въ православіе этотъ почтенный отпрыскъ французской аристократіи такъ и не перешелъ, а поигравъ въ первые мѣсяцы революціи на демократіамъ «временнаго» обер-прокурора В. Львова, что сопровождалось непристойными выходками дю-Шайла противъ нѣкоторыхъ епископовъ, — во время гражданской войны на югѣ Россіи всплылъ на Дону